

Викентий Вересаев

На мёртвой дороге

Викентий Викентьевич Вересаев

На мёртвой дороге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631055

Аннотация

«Изморенный ходьбою и зноем, я сидел с Михайлой на пороге его убогой, крытой соломой сторожки.

Вдали, где степь сливалась с сверкавшим небом, дымились трубы шахт, громыхали товарные поезда. Кругом же все дышало покоем и запустением. За лоштинкою, под соломенным навесом, молчаливо ютилась крестьянская шахта, а мимо нас бежала вдаль узкая, пыльная полоса травы, в ней рыжели растрескавшиеся рельсы...»

Викентий Вересаев

На мертвой дороге

Изморенный ходьбою и зноем, я сидел с Михайлой на пороге его убогой, крытой соломою сторожки.

Вдали, где степь сливалась с сверкавшим небом, дымились трубы шахт, громыхали товарные поезда. Кругом же все дышало покоем и запустением. За лощинкою, под соломенным навесом, молчаливо ютилась крестьянская шахта, а мимо нас бежала вдаль узкая, пыльная полоса травы, в ней рыжели растрескавшиеся рельсы. Эта заброшенная железная дорога принадлежит крупному углепромышленнику Сохатову и ведет на давно уже выработанный Солодиловский рудник; но Сохатов не снимает рельсов; он рассчитывает заарендовать у крестьян богатый углем участок рядом с Солодиловкой; если же снять рельсы, то придется опять хлопотать об отчуждении земли под подъездной путь. И вот тянется по степи мертвая дорога. Шпалы погнили, рельсы заржавели и заросли бурьяном; у переезда нет заставы, нет даже столбика. И Михайло одиноко бродит по протоптанной в бурьяне тропинке, оберегая рельсы и шпалы от расхищения.

Был шестой час вечера. Зной стоял жестокий, солнечный свет резал глаза; ветерок дул со степи, как из жерла раскаленной печи, и вместе с ним от шахт доносился острый, противный запах каменноугольного дыма... Мухи назойливо лип-

ли к потному лицу; в голове мутилось от жары; на душе на- кипало глухое, беспричинное раздражение.

Михайло, с трубкою в зубах, сидел рядом и рассказывал мне о своей далекой орловской деревне, о кулаке-старшине, забравшем в руки всю волость.

– Кабак открыл, лавку открыл!.. В волостные старшины попал!.. – говорил он, мрачно и негодуяще глядя вдаль. – Ребятенками вместе в рюхи играли, а теперь посмотри: пару гнедых завел, – лихие кони, так и ерзают, – ахнешь!.. Заговорят на сходе: «Учесь бы его!» – «Ишь, скажет, податей не платят, а тоже – *учесь!*.. Разговаривают, сукины дети, заковыривают!..»

Уж больше часу рассказывал мне Михайло о всевозможных бедах и притеснениях, которые ему пришлось претерпеть в жизни. Я слушал и, угрюмо глядя на изнемогавшую от зноя степь, думал о том, что мне не скоро еще можно идти дальше, что еще не один час придется мне провести здесь, пережидая жару. Стыдно признаться, но мало сочувствия вызывали во мне рассказы Михайлы. И степь, бессильно выгоравшая под солнцем, и ленивый, душный воздух, и негодующие сетования Михайлы – все дышало чем-то таким тоскливым, расслабляющим и безнадежным... Странно было подумать, что где-нибудь теперь свежо и прохладно, что есть на свете бодрые, деятельные и неунывающие люди.

На далеких Афанасьевских копиях раздался гудок, на него откликнулась одна шахта, потом другая, – и вскоре вся их

дымящаяся цепь загудела на разные тоны деловито-угрюмыми гудками. Откуда-то из-за горизонта чуть слышно донесся звон церковного колокола.

– Ко всенощной звонят, – сказал Михайло, снял шапку и стал креститься.

Колокол продолжал мерно звенеть, и его звон с трудом пробивался сквозь ноющее гудение шахт.

– Нынче ночью отец-покойник приходил ко мне, – помолчав, заговорил Михайло, – в тулупе новом, в новых валенках, другую пару в руках держит. «Все, говорит, Миша, ноги зябнут, никак не могу согреться...» Панихидку бы надо отслужить...

Михайло задумчиво поглядел вдаль, где медленно струился и переливался горячий воздух.

– Все помину желают родители, барин, и мы отощали!.. Э-эх!.. – тяжело вздохнул он и стал раскуривать погасшую трубку.

Гудки смолкли один за другим. Затих благовест. Только бесчисленные жаворонки звенели и заливались в ярком небе, и казалось, что это звенит само небо, – звенит однообразно, назойливо... Да и в небе ли это звенит? Не звенит ли кровь в разгоряченной голове?.. Ковыль волновался и сверкал под солнцем, как маленькие клубы белоснежного пара. По степи шныряли юркие рыжие овражки. Из рудничных труб лениво валил дым и длинными, мутными полосами тянулся по горизонту.

Мимо сторожки прошел худощавый бородатый шахтер в синей блузе, с кожаной сумкою за плечами. Заметив нас, он в нерешительности остановился и вдруг круто повернул к сторожке.

– Дозвольте, господа, немножко посидеть с вами! – произнес он с быстрой улыбкой. – Жарко, нет никакой возможности идти.

– Просим милости! – ответил Михайло.

Я где-то уже видел это нервное лицо, с впалыми щеками и странно блестящими глазами, с быстрой, нескладной улыбкой, видимо, очень редко появляющеюся на губах. Шахтер спустил с плеч сумку, прислонил ее к облупившейся стене сторожки и утер платком потный лоб.

– Никитин, да это вы! – вдруг сказал я.

– Как же! Я самый.

Встречался я с Никитиным, и не один раз, на Миримановском руднике, в одном из «балаганов», как здесь называют рабочие казармы. Зайдешь в праздник в балаган, – все пьяно, на нарах кипит игра в карты и орлянку, в воздухе одни только скверные слова и слышны; а Никитин молчаливо сидит за столом, склоняясь худым лицом над какими-то чертежами; вокруг разложены краски, готовальня, линейки. Заговоришь с ним – он отвечает очень вежливо, но односложно и сдержанно. Первое время я принимал его за механика, но потом узнал, что он простой шахтер.

Никитин присел на свою сумку и закурил папиросу.

– Вы куда же это направляетесь? – спросил я.

– На Карачевские рудники иду. Взял расчет у Мириманова.

– Что так? Порядки тамошние не нравятся?

– Нет, что же? Где ни работай, все одно... Дело у меня есть в Карачевских рудниках.

– Дело?

– Да... Кое-что надобно там поразведать, посмотреть...

– То есть что же именно?

Никитин уклончиво ответил:

– Так... Свои различные дела.

Уж и раньше несколько раз наши разговоры с ним кончались таким образом. При прежних встречах мне иногда казалось, что Никитину хочется поговорить со мною, а заговоришь – он вспыхнет и отвечает односложно и уклончиво. Но теперь, по-видимому, Никитин решился побороть свою застенчивость. Он покраснел, поправил под собою сумку и оглядел меня быстрым, испытующим взглядом.

– Позвольте вас спросить, я уж давно все собираюсь, хорошо вот, что встретился, – заговорил он, улыбнувшись своею нескладною улыбкою, причем лицо его покрылось странными морщинками. – Что это, дорого стоит какие-нибудь изображения отпечатать, вот как иконы для продажи печатают, азбуки, царские портреты.

– То есть картины, значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.